

С. Р. Смирнов

КТО ЕДЕТ С ЯРМАРКИ?
(ОТ «ЯРМАРКИ» К «ПРОЩАНИЮ В ИЮНЕ»)

Как известно, всего при жизни драматурга было опубликовано пять вариантов пьесы «Прощание в июне», отличающихся во многих деталях и, прежде всего, финалом. В первой публикации «Прощания в июне» [5] пьеса была названа «комедией в трех действиях». В перечне действующих лиц были обозначены Колесов, Букин, Фролов, Гомыра, Репников, Золотуев, Таня, Маша, Репникова, Студенты, Милиция.

Новые варианты пьесы были опубликованы в издании ВУОАП (1966 г.) и журнале «Театр». В тексте журнала «Театр» [6] Колесов разрывает несправедными путями полученный диплом и приходит к примирению с Таней. Последняя прижизненная публикация (не путать с последней редакцией!) пьесы вошла в книгу Вампилова «Прощание в июне. Предместье», изданную единым блоком с произведениями П. Маляревского и Б. Левантовской под общим названием «Пьесы иркутских драматургов» (Иркутск, 1972 г.) [7]. Этот вариант содержит весьма существенные и принципиальные отличия от остальных, начиная с состава действующих лиц (в нем отсутствует Репникова, но наличествует музыкант Шафранский, который впервые появился в «Ярмарке», а в остальных опубликованных при жизни драматурга вариантах являлся внесценическим персонажем) и заканчивая развитием сюжетной интриги и открытым финалом.

Можно с достаточной долей уверенности предположить, что в 1972 г. был напечатан *промежуточный* между «Ярмаркой» и «Прощанием в июне» вариант. В пользу этого предположения говорит и то, что мотив «торга» в данной редакции пьесы (как и в «Ярмарке») отчетливо выступает на первый план. Финальная картина в этом варианте, названная «Снова на улице», представляла лишь развернутую ремарку.

Впервые о пьесе «Ярмарка» как предшественнице «Прощания в июне» и как о «заметном явлении» написал в статье, посвященной итогам Читинского семинара молодых литераторов Сибири и Дальнего Востока, еще в 1965 г. на страницах «Комсомольской правды» Марк Соболев. Вспоминал о ней в книге «Учителя и сверст-

ники» и Вячеслав Шугаев. Однако текст пьесы, в отличие от достаточно многочисленных опубликованных при жизни драматурга вариантов «Прощания в июне», до 2002 г. оставался неизвестным для исследователей.

Знакомство с рукописным текстом «Ярмарки» [Я-Р] убеждает в существенных отличиях его от «Прощания в июне» [2, с. 30–87].

Судя по всему, «Ярмарка» была написана в 1964 г. Однажды упоминание о ней встречается и в «Записных книжках» Вампилова: ««Ярмарка». Чтение “Ярмарки”» [И-99, с. 675]. Предположительно эту запись можно отнести к зиме 1965 г. и встречам Вампилова с Александром Твардовским на даче Б. Костюковского.

В списке действующих лиц назван Шафранский. В «Ярмарке» он «аккомпаниатор и антрепренер» артистки Голошубовой, а в «Прощании в июне» «здешний» музыкант, который, по словам Колесова, «подвизается» в гостинице, в ресторане. Следует заметить, что в «Ярмарке» этому персонажу уделено значительно больше внимания, он появится еще и в финале пьесы, действие которого происходит, как сказано у Вампилова, «через два года после начала».

Вероятно, это тот самый первый текст, с которым драматург начинал обход московских театров. На титульном листе рукописного экземпляра «Ярмарки» имеется подзаголовок «хроника в двух частях, восьми картинах», на второй странице после подчеркнутого прямой линией слова «действуют» идет перечень десяти действующих лиц, под которым надпись, также подчеркнутая прямой линией, – «Время действия 1961–1963 гг.». (Первоначально время действия было обозначено как «1962–1964», затем эти даты были драматургом зачеркнуты.)

Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой характеризует хронику как «литературное произведение, содержащее историю политических, общественных, семейных событий, а также вообще рассказ о таких событиях» [10, с. 869].

Типологической особенностью жанра является также «...изложение исторически достопримечательных событий в их временной последовательности... организующей силой сюжета предстает сам необратимый и всеподчиняющий ход времени, которому подвластны действия и судьбы отдельных персонажей и групп. Для хроники обычен экстенсивный сюжет, образуемый чередованием сцен, фрагментов, картин изменяющейся действительности. Структура хроники отражает темп, длительность, порядок и ритм

изображаемых событий, за точку отсчета которых, как правило, принимаются моменты реально-исторического времени» [12].

Все указанные выше признаки жанра формально в «Ярмарке» наличествуют. Однако налицо травестирование, снижение высокого жанра – вряд ли «историю» Колесова можно всерьез рассматривать как «исторически достопримечательное событие». Однако нельзя полностью отрицать, что первоначальный замысел жанра «Ярмарки» как хроники (отметим, что Вампилов на титульном листе отнюдь не заключал это слово в кавычки) мог быть связан со стремлением и подчеркнуть значимость *своего* времени, времени *своего* поколения в истории, и одновременно с необходимой долей иронии изобразить суетность романтических надежд *своих* сверстников, начинающих после относительно беззаботного студенчества новую жизнь.

Однако с обретением мастерства он почувствовал необходимость концентрации действия на меньшем хронологическом промежутке и отказался от заманчивой во многих отношениях формы, освященной именем Шекспира. Можно строить бесконечное множество предположений о том, какой смысл хотел вложить в название «Ярмарка» Александр Вампилов, но в данной ситуации лучше прислушаться к самому драматургу.

Диалог Маши и Репниковой в четвертой картине:

МАША. ... Вы еще такая молодая.

РЕПНИКОВА. Да нет. Уже с ярмарки. Возвращаюсь.

МАША. С ярмарки? Что это значит?

РЕПНИКОВА. Очень просто. С семнадцати лет человек идет на ярмарку. Лет так до тридцати. А там с ярмарки. У вас вот – самая ярмарка. Праздник. (ДН, с. 112).

Вообще же мотив «ярмарки» в пьесе возникает неоднократно. Примечателен в этом смысле диалог Колесова и Тани в самом начале пьесы, который отсутствует во всех других вариантах пьесы:

КОЛЕСОВ. А как же не спешить! Тут самое главное – не опоздать. Надо побывать на качелях, пострелять в резинового зайца, выиграть пари, выпить, подраться, протрезветь, купить коня, поглазеть на скоморохов. Все надо успеть.

ТАНЯ. Одним словом, за всеми зайцами – сразу.

КОЛЕСОВ. Только так! А если ты опоздал... Карусель крутится и ее не остановишь. Кто-то уже выиграл твою бутылку шампанского, кто-то увел твоего коня. Не успеешь оглянуться, как умолкнет музыка, погаснут фонари и закроются ворота. А ты еще не протрезвел, не был на качелях и не успел расписаться в книге жалоб и предложений. Нет, тут нельзя ждать, когда тебе подадут автобус. Автобусы задерживаются.

ТАНЯ. А потом? Когда ты все успел, все сумел?

КОЛЕСОВ. Потом?.. Как вас зовут?

ТАНЯ. Я скажу, а вы забудете.

КОЛЕСОВ. Почему?

ТАНЯ. Вы слишком спешите. Вы меня обгоните, и мое имя вылетит у вас из головы.

КОЛЕСОВ. У меня хорошая память [ДН, с. 96].

А вот продолжение этого диалога героев (разговор об афишах и приглашение Тани в общежитие) полностью перешло в первую публикацию пьесы «Прощание в июне» [5].

В «Ярмарке» еще не было скандальной свадьбы Букина и Маши. Более того, Букин и Гомыра в «Ярмарке» являются одним действующим лицом (Гомыра – прозвище Букина. Словари жаргона расшифровывают его как «водка», «вино», «разливное вино» (из молодежного жаргона) и даже «самогон» (угол.)). Таким образом, имя героя было «говорящим» и предпринятое драматургом последующее «разделение» двух персонажей должно было углубить степень личной драмы Букина, сделав Гомыру его комическим двойником.

В каждой комнате университетского общежития отмечалось завершение геологами полевого сезона, замаскированное под «день рождения». И лишь в тексте «Ярмарки» осталась такая замечательная реприза из диалога Репникова и Букина:

РЕПНИКОВ (Букину). Геологи все вернулись?

БУКИН. Все.

РЕПНИКОВ. Заметно.

БУКИН. Почему, Владимир Алексеевич?

РЕПНИКОВ. По запаху.

БУКИН. Тайгой, Владимир Алексеевич, дымком... [ДН, с. 100].

(В «Прощании в июне» будет усилен мотив мрачного шутовства героя: «Я клоун. Рядом с таким серьезным человеком, как ты, я – шут. Но шуты – люди темные...» [ДН, с. 74].)

В общежитии справляется не свадьба, а «день рождения», маскирующий завершение геологами полевого сезона. Во время «дуэли» герои убивают не сороку, а полевую мышь.

В ключевую во многих отношениях сцену «дуэли» Вампилов, начиная с «Ярмарки», вносил многочисленные изменения, вплоть до намерения совсем от нее отказаться (в варианте «Прощания в июне» И-72 она отсутствует совсем).

До сих пор никто из исследователей творчества Вампилова не обращал внимания на количество выстрелов в эпизоде, происходящем за сценой, и их «авторство». Убийство безвинной сороки в равной степени приписывалось обоим дуэлянтам. Нуждается в корректировке и определение дуэли героев как «шутовской», «полушутливой».

Каков же характер изменений в этой сцене. В отличие от «Прощания в июне» выстрелов в «Ярмарке» было два. В промежутке между ремарками «выстрел в отдалении» и «второй выстрел» [ДН, с. 124] был монолог Золотуева, состоящий из пяти фраз. Промежуток вполне достаточный, чтобы обменяться оружием. Если ружье имело два ствола, не было необходимости в его перезарядке, тем более что патронов у героев с собой быть не могло. Трофей – полевую мышь – несет Фролов, Букин несет ружье. Следовательно, первый выстрел делал Фролов и либо сделал его в воздух, либо, что вероятнее всего, промахнулся.

Ю. М. Лотман писал, что «дуэль с ее строгим ритуалом, представляющая целостное театральное действие... обладает жестким сценарием» [9, с. 174]. Так, по дуэльному кодексу стрелять в воздух «имел право только противник, стреляющий вторым» [Там же].

Выстрел стрелявшего вторым Букина был сделан в мышь (что равносильно травестированию выстрела в воздух). Отметим, что поскольку в «Ярмарке» Вампилов не разделял Гомыру и Букина, Фролов, который во всех вариантах выступает провокатором «дуэли», в первом варианте пьесы с особым самодовольством изощрялся в грубостях и намеках на алкогольное происхождение неординарного поступка героя: «веселый [печальный] мародер», «жизнерадостный [взгустнувший – Я-Р] погромщик», «все равно ты будешь алкоголиком», «что ты собираешь с похмельюги» [5, с. 44; ДН, с. 121–122].

Н. Ишук-Фадеева отмечает: «Девятнадцатый век породил странный “эффект русской дуэли”, а может, шире – русской жизни. В начале века дуэли по-прежнему запрещены, гонимы, нелегалы,

но странно популярны, т. е. довольно редки, но с большим общественным резонансом из-за частого смертельного исхода – ситуация, противоположная европейской, где много дуэлей и мало смертей» [8, с. 2].

В «Ярмарке» и «Прощании в июне» «дуэль» Букина и Фролова из «русской» со смертельным исходом и общественным резонансом (Фролов. Подумай, это же скандал, больница... И потом это позорное дело... Мы же насмешим весь город» [ДН, с. 122]) превращается в «западную» (без кровопролития).

Вампилов в рукописи старательно подбирал синонимы к обозначению оружия дуэлянтов:

ФРОЛОВ (весело). Это что же на двоих [одно] одна [дробовик] тозовка? [Я-Р, с. 46].

Зачеркнутое слово «одно» предполагало, вероятно, продолжение «ружье». В А-66 «тозовка» заменена на «мушкет», что предвосхищает в последующей реплике героя упоминание одного из персонажей трилогии А. Дюма о мушкетерах – Виконта де Бражелона. (Упоминание этого имени в последующих редакциях Вампиловым снято, однако ироническая характеристика Фроловым оружия как «мушкета» остается прежней.)

В этом же эпизоде содержится исправление Вампилова, которое мы склонны рассматривать как уступку «самоцензуре». Реплика Фролова «вот так всегда со стороны, нечаянно, узнаешь, что ты хороший человек» первоначально звучала иначе: «Достаточно. Ты уже нарисовал человека светлого будущего» [Я-Р, с. 44], что звучит как явная ирония по отношению к общественно-политическим реалиям первой половины 60-х гг.

(Существенное место в данной пьесе занимает мотив карточной игры. Этому же мотиву полностью посвящены варианты второй картины одного из первоначальных вариантов, действие которых должно было происходить либо в помещении продовольственного склада, либо в комиссионном магазине, куда устроился сторожем Колесов и где он знакомится с Золотуевым.)

Сравним более детально обозначившие интригу произведения сцены в общепитии в «Ярмарке» и «Прощании в июне» по первой (альманах «Ангара») и окончательной редакциям.

В соответствии с избранной драматургом формой полупародийной хроники действие этой картины происходит всего «через час» после знакомства Колесова и Тани на автобусной остановке.

(В первоначальном варианте автографа – «через два часа».) Конфликт между Фроловым и Букиным начинается с первых реплик героев, среди которых пока отсутствуют эпизодические персонажи из «Прощания в июне» – Веселый, Серьезный, Красавица, Комсорг и Строгая. Очевидно, они были введены Вампиловым на более позднем этапе работы над пьесой. Букин-Гомыра здесь наделен более грубыми словами и репликами, чем Букин из «Прощания в июне» («Разнежились вы тут в городе, гермафродиты!», «Вы тут девочек щупали, а там медведи, только белые медведи» и т. п.). Его «дремучесть» подчеркивается и тем, что он проявляет неведение (настоящее или показное) относительно называемой Фроловым фамилии ректора:

БУКИН. Репников? А кто это такой?

ФРОЛОВ. Не ломайся. Убирай в шкаф бутылки.

На странице 9 анализируемой рукописи в чужой почерк вторгается рука Вампилова, вписывающая либо неразборчивые для переписчика фразы, либо, что более вероятно, дополнения, сделанные на ходу.

Вместо зачеркнутых слов Букина: «Я тупой, но...» вписано:

БУКИН. Маша, там вечная мерзлота, третичный период...

МАША. А где Колесов?

БУКИН. А, Колесов... Любимец публики, счастливчик, декадент... Маша, там одни медведи. Одни только белые медведи.

Именно эта последняя фраза перенесена в «Ярмарку» из <Пьесы без названия>. Более того, Вампилов использует ее в письме к Е. Л. Якушкиной, датированном 14 октября 1966 г., шутиво извиняясь за свои «скверные манеры», когда просит ее обратиться к В. С. Розову за рекомендацией в Союз писателей: «Трудно быть комильфо. У нас тут медведи. Одни только белые медведи» [И-99, с. 698].

Здесь же после зачеркнутой ремарки «пошатываясь», которую Вампилов мог посчитать слишком «лобовой» (вместо нее оставлено «убирает в шкаф пустые бутылки»), следует: «Маша, он прав. Мы имеем право веселиться. Но ректор может это неправильно истолковать. Подумает еще, что мы пьянствуем». Затем рукой Вампилова вписана подчеркивающая прагматичность персонажа реплика Фролова: «Не все (останавливает Букина). Две оставь. Одну

пустую, одну полную. Для правдоподобия» и характерологическая реплика Маши: «Плебеи!».

Категоричное утверждение в монографии Е. И. Стрельцовой о том, что «окончательный текст “Прощания в июне” ... и есть текст его родной “Ярмарки” либо что-то тому, первоначальному... тексту тождественное, очень близкое» [11, с. 148], не соответствует действительности.

Каков же характер рукописи? Страницы 3–12 переписаны крупным почерком (можно предположить, что это рука первой жены драматурга Л. А. Добрачевой) с правками поверх текста, сделанными рукой Вампилова. Им же написаны слова «Часть первая», подчеркнутые дважды.

Любопытны изменения, внесенные Вампиловым в обстановочную ремарку, предпосланную третьей картине, которая озаглавлена «День». Последовательно зачеркнуто: «Улица. Кладбище. Осенний день. Солнце. Городское кладбище. Солнечный осенний день». Оставлено: «Солнце». Начало следующей фразы «Полураздетые березы, под ними желтые, красные кусты» заменено на «Березы осыпаются, под ними тление акаций и багровая агония осин» (первоначально – «пламя осин»).

Страницы 16–17 написаны почерком еще одного лица (в телепередаче «Фрак народа», посвященной Вампилову, прозвучала реплика О. М. Вампиловой о рукописи, переписанной разными женскими почерками), а затем в нумерации следует переход на с. 20, хотя текст остается связным. Судя по первоначальной нумерации и имеющимся в архиве дополнительным вариантам картины, Вампилов вставил в готовый текст «Ярмарки» заново написанную сцену на кладбище вместо сцен в комиссионном магазине и на продовольственном складе.

Это сцены в помещениях комиссионного магазина (первый вариант) и сторожке продовольственного склада (второй вариант), где в компании Золотуева работает сторожем исключенный из университета Колесов. Они представляют собой соответственно 4 и 5 страниц машинописи. Золотуева здесь характеризует следующая ремарка: «высокий, лет сорока пяти. На нем яркочерный шарф и меховая куртка». Действие происходит «поздним осенним вечером». Именно здесь возникает еще один «ярмарочный» мотив – карточная игра, картежный обман (Золотуев в «Ярмарке» предстает еще и в амплу карточного шулера):

ЗОЛОТУЕВ (сдает карты. Чувствуется, мастер). Разочаровал ты меня, прямо-таки обидел.

КОЛЕСОВ. Это чем же?.. Козыри?

ЗОЛОТУЕВ. Буби козыри... Сразу видно, что ты недоучился.

КОЛЕСОВ. Что ты бормочешь?

ЗОЛОТУЕВ. Что характерно, третий сторож на этом месте и все неучи.

КОЛЕСОВ. Не говори, для сторожа я достаточно образован.

ЗОЛОТУЕВ. И где вы такие воспитывались – все как один в «подкидного» – и только.

КОЛЕСОВ. Не люблю карты. Дурацкое занятие.

ЗОЛОТУЕВ. Карты? (Оставил игру, собрал колоду). Не знаешь, а говоришь... (Трещит колодой). Карты – это инструмент. Скрипка. Игра! Понимаешь, иг-ра-а. (Вдохновенно). Придумай мне что-нибудь такое, придумай! Чтоб за стол я сел нищим – и возвысился, чтоб я бледнел и радовался, чтоб сердце останавливалось и колотилось, к примеру, как колотится в дверь муж, когда он вернулся домой некстати... Карты, товарищ дорогой, это счастье, горе и любовь – за одним столом, за один раз!

КОЛЕСОВ. Ого! Ты поэт, оказывается [ДН, с. 255].

По утверждению Ю. М. Лотмана, карточная игра с конца XVIII – начала XIX в. «сделалась своеобразной моделью жизни» [9, с. 131, 137]. Немаловажно, что ученый рассматривает игру в карты как реализацию психологической потребности взрывов *непредсказуемости* в условиях *строгой нормированности* «человека империи» [Там же, с. 143].

Это положение в полной мере применимо и к нормативному характеру *советской* эпохи. «Шулерство» Золотуева вело свою генеалогию от Пушкина и Гоголя, традиции, связывающей в русских сюжетах «идею обогащения с картами (от “Пиковой дамы” до “Игрока” Достоевского) или аферой (от Чичикова до Кречинского)» [Там же, с. 153]. Известен рассказ Достоевского «Роман в девяти письмах», представляющий собой переписку двух шулеров.

У Вампилова шулерство как «карточное воровство» становится в оппозиционный ряд со «сторожевой» профессией персонажей. После процитированного выше вдохновенного монолога Золотуева о картах Колесов просил его обучить игре в преферанс, относящейся к так называемым коммерческим играм, что, на наш взгляд, напрямую связано с семантикой названия пьесы.

В другом варианте второй картины, также не вошедшей в беловую рукопись «Ярмарки», карточной игре предшествовала шахматная, в которой Колесов одерживал победу. Ю. М. Лотман считал шахматы и карты «антиподами игрального мира» [9, с. 131, 140]. В этом отрывке происходит дальнейшее углубление семантического «ярмарочного» плана, ведь в пьесе *на карту* поставлено приобретение Колесовым университетского диплома, а Золотуев при этом хвастается выигранным в преферанс у «людей с высшим образованием» университетским значком.

Как уже говорилось выше, Вампилов пожертвовал этими очень любопытными сценами ради сцены на кладбище, которая затем сохранилась во всех вариантах «Прощания в июне».

Со страницы 20 по 52 (окончание третьей картины «День») и полностью картины четвертая «Зима» и пятая «Июнь» написаны рукой Вампилова, причем достаточно энергичный характер правки может свидетельствовать о том, что это первоначальный вариант рукописи. Очень часто Вампилов прибегает в процессе правки к так называемой рубленой фразе. Приведем наиболее интересные, на наш взгляд, изменения.

После реплики Маши: «Неприятные новости» следовал ответ Колесова в духе перешедшей из «Ярмарки» в «Прощание в июне» фразы «Скандал на Панаме, на Занзибаре – революция». (В рукописи «Ярмарки» [Я-Р, с. 34] фраза вначале звучала так: «Пущены все агрегаты Братской ГЭС, разразился скандал на Панаме, на Занзибаре вспыхнула революция», затем Вампилов правит ее на окончательный вариант.) Реплика Колесова в диалоге с Машей звучала так: «Что такое? Де Голль не подписывает бумагу о разоружении? Упрямится?» [Я-Р, с. 23]. (Имя видного политического деятеля Франции Шарля де Голля постоянно фигурировало на страницах советской прессы в начале 60-х гг.) В реплике Букина «И все тот Иуда Шафранский» вместо «Иуда» подставлено слово «стукач».

Но наибольшей и неоднократной правке подвергся диалог-спор о Танином отце – ректоре Репникове (с. 25–29 рукописи). Правка велась Вампиловым на одном из предшествующих черновых вариантов, о чем свидетельствует изменение нумерации страниц.

В картине четвертой, действие которой происходит в доме Репниковых, Маша оказывается подружкой Татьяны. Из обстановочной ремарки этой картины Вампиловым было вычеркнуто упоминание о красивых портьерах и висящем на стене портрете Фиделя

Кастро, культовой политической фигуры в СССР 60-х гг. Из реплики героини было вычеркнуто: «Жизнь, говорит, на руках пронесу. На руках! Пьяница. На руках они носят два раза: к постели и на кладбище» [Я-Р, с. 31]. Эта фраза неоднократно встречается у Вампилова в черновиках неоконченных пьес, а также в «Записных книжках». Со страницы 42 в рукописи начинается и отсчет пятой картины. Страницы 42–45, судя по всему, переписаны самим Вампиловым набело, о чем свидетельствует небольшая, по сравнению с другими кусками текста, правка и обрыв посередине с. 45. Более основательной правке подвергнуты с. 46–52 до слова «занавес».

Слово «занавес» следует и в конце шестой картины [Я-Р, с. 68], которая переписана со с. 53 по 60 чьей-то рукой (возможно, О. М. Вампиловой, знакомство с которой состоялось как раз в 1963 г.). Со страницы 61 и до конца в рукописи вновь рука Вампилова, и видна его интенсивная правка в процессе работы. К примеру, на с. 61–62 вычеркнуто почти полстраницы в диалоге Репникова и Репниковой после фразы героини: «Ты – администратор и немного ученый. Для авторитета». Этот кусок перечеркнут двумя вертикальными чертами и крест-накрест. (Далее вампиловские вычеркивания заключены в прямые скобки.) Можно с большой долей уверенности предположить, что Вампилова не устроило «лобовое» разоблачение героя в следующих фразах:

РЕПНИКОВ. А что, черт подери, тут плохого!

РЕПНИКОВА. Не кричи. Ты стал часто кричать. [Это оттого, что [потому что]. Ты в себе не уверен.

РЕПНИКОВ. (У Вампилова ошибочно было написано «Репникова»). Ты взялась меня разоблачат[еш]ь? Давай! Конечно, кто делает это лучше жены!

РЕПНИКОВ. Ну, ну... [Разоблачай] Обличай, меня, обличай, срывай маски! (Возможно, реминисценция из статей Ленина о Л. Толстом! Обратим внимание и на реминисцентную аналогию с именем жены Л. Н. Толстого. – С. С.) Еще бы! Кто это сделает лучше жены! [Софа, но...]

РЕПНИКОВА. Ничего, ты послушай. [Тебе полезно]

РЕПНИКОВ. [Я не мальчик,] Софа! Мое воспитание закончилось давным-давно. [У меня вот лысина, видишь пятнышко?] [Лысею вот] У меня лысина, Софа!

РЕПНИКОВА. Нашел чем хвастать. [Покажи свое пятнышко] [А ну покажи]

РЕПНИКОВ. Вот... Лысина... [Очень грустное явление. Лысина.]

РЕПНИКОВА. [Очень грустное. Тем более, что здесь] Да... Именно здесь, где лысина, свила свое гнездо рутина.

РЕПНИКОВ. [Софа, зачем ты так] Софа! Довольно... Я тоже знаю много обидных слов, я тоже умею срывать маски. Но ведь я этого не делаю! [...] Потому что я тебя [люблю.] уважаю. [Уважаю и люблю.] Потому что я тебя люблю. [И довольно]

РЕПНИКОВ. [Соня, я тоже знаю много неприятных] слов (обидных – слово подписано сверху). Я тоже умею говорить неприятности. Но ведь я этого не делаю (все зачеркнуто волнистой линией. – С. С.).

Множество исправлений содержит и последующий диалог Репникова и Колесова [Я-Р, с. 62–66].

Страница 63. РЕПНИКОВ. [Минутку... Не горячитесь <молодой человек>. Минутку. Не будем горячиться. Поговорим] А вы не горячитесь. На этот раз мы поговорим спокойно. Можно?

В последующем ответе Колесова на этой же странице рукописи было вычеркнуто несколько вариантов фразы и в конечном итоге оставлено: «Но под колеса не попаду, потому что на чужие машины я больше не надеюсь».

Отношения между Колесовым и ректором в последующих после «Ярмарки» вариантах «Прощания в июне» претерпевают значительные изменения.

К примеру, в «Ярмарке» Колесова, проигравшего в карты Золотуеву восемь тысяч, ректор выручает возвращением этого долга. Впоследствии место денег в «торге» между ними займут университетский диплом и аспирантура.

В седьмой картине, озаглавленной «Июль» (сцена на вокзале), Вампилов наибольшей правке подвергает монолог Букина, встречу Тани и Колесова с последующим «выяснением отношений» между ними и прощальные монологи Фролова.

В финале картины перед словом «занавес» примечательна вставка ремарки «несчастен», иронически характеризующей состояние Золотуева:

ЗОЛОТУЕВ. Между прочим, Монте-Карло, где такой город?

ТАНЯ (машинально). Во Франции.

ЗОЛОТУЕВ (несчастен). Я так и знал! [ДН, с. 143].

Самые существенные отличия пьесы «Ярмарка» и различных редакций «Прощания в июне» обнаруживает финал, в котором отношения ректора и аспиранта Колесова носят достаточно мирный характер.

В рукописи восьмой картины, названной Вампиловым «Через два года после начала» [Я-Р, с. 82–83; ДН, с. 143] имеется большая вставка к с. 82, подвергнутой в данном фрагменте наибольшей правке. Эта страница и вставка к ней, которая написана поперек страницы на отдельном листе, представляют собой итоговый диалог Колесова и Репникова, в котором резюмируется мотив «ярмарки». Вставку начинают слова ректора: «Стало быть, у вас все кончено?», и завершает фраза Колесова: «Нам, Владимир Алексеевич, не повезло».

Анализ рукописного и машинописного экземпляра пьесы убеждает в том, что «Ярмарку» с «Прощанием в июне» объединяет лишь сюжетная интрига и перечень основных действующих лиц. Если будет позволительна такая параллель, «Ярмарка» в аксиологическом аспекте является по отношению к последующему творчеству Вампилова примерно тем же, чем юношеская «Пьеса без названия» Чехова, озаглавленная составителями полного собрания сочинений как «Безотцовщина».

Многочисленная правка, проведенная драматургом в рукописи, последующая проработка сюжетных линий и особенно динамика поэтики финала свидетельствует о его тщательной работе над словом, сложности и мучительности творческих поисков.

Литература

1. Вампилов А. В. Ярмарка [Рукопись. Иркут. обл. фонд А. Вампилова]. 83 с.
2. Вампилов А. В. Дом окнами в поле : Пьесы; Очерки и статьи; Фельетоны; Рассказы и сцены / сост. А. П. Вампилова-Копылова, Л. В. Иоффе ; предисл. В. Лакшина ; примеч. Б. Ротенфельда. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 640 с.
3. Вампилов А. В. Драматургическое наследие / вступ. ст. А. Калягина и Г. Товстоногова. Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 2002. 844 с.
4. Вампилов А. В. Избранное / сост. О. М. Вампилова ; предисл. В. Распутина ; вступ. ст. В. Лакшина ; примеч. Т. Глазковой. М. : Согласие, 1999. 784 с.
5. Вампилов А. Прощание в июне: Комедия в 3 д. // Ангара. 1966. № 1. С. 41–67.
6. Вампилов А. Прощание в июне // Театр. 1966. № 8. С. 140–166.
7. Вампилов А. В. Прощание в июне; Предместье. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 176 с.
8. Ищук-Фадеева Н. И. Тема дуэли в одноименной повести и драматургии А. П. Чехова // Русская словесность. 1999. № 1. С. 2–5.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.). СПб., 1994. 399 с.

10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
11. Стрельцова Е. И. Плен утиной охоты. Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 1998. 376 с.
12. Хроника // Краткая лит. энциклопедия. М. : Сов. энциклопедия. 1975. Т. 8. С. 333–334.

---

* Статья опубликована в [МАН, с. 111–116].